

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№ 4444.

Воскресенье, 1го Ноября, 1898 г.

№ 4444.

Графъ Павелъ Павловичъ Шуваловъ.

Борисъ Юльевичъ Витте.

Иванъ Александровичъ Спиридоновъ.

Александръ Александровичъ Микунинъ.

Одесса.—Правленіе попечительства о домѣ трудолюбія, сооруженномъ въ память Императора Александра III.

Въ горахъ Кавказа

Повесть.

(Окончаніе *).

Охъ, какъ замираетъ сердце! Охъ, какъ забушевало это горячее сердце! Странно, страшно и удалуцу смотрѣть въ лицо самой смерти!

Борисенко слѣзаетъ съ коня. Онъ бросаетъ его на произволъ судьбы среди вражескаго стана; онъ надеется, что скакуны Кабарды благодаря быстрымъ ногамъ своимъ избѣгутъ гибель, а самъ съ винтовкой, въ поясѣ, утыканномъ сотнями патроновъ, ползетъ на вершину холма и ложится за огромный, мохомъ поросшій камень. Гордо поднимая владѣть за нимъ на гору вороной конь. Онъ не отстаетъ ни на шагъ отъ своего всадника, высоко поднимая голову, насторожилъ мышиныя уши, хранитъ и косится на близкую долину.

А тамъ, запыхавшись, бѣжалъ приближенный Ахмета.

— Атаманъ! — крикнулъ онъ, лишь только достигнувъ чадры, — атаманъ! Бѣда! Въ нашемъ станѣ враги! Вели бить тревогу!

— Что? Враги? Гдѣ они, и много ли ихъ?

— Я пока видѣлъ только одного. Въонъ тамъ на горѣ взбирался его вороной конь, а теперь не видно ужъ ни коня, ни всадника. Должно быть, скрылся за камнемъ.

— Одного врага ты испугался! Стидись, Селимъ... Отчего не приколотъ ты его? Отчего не выстрѣлишь? А еще слышишь у меня буйной головой! Развѣ въ первый разъ встрѣчаться тебѣ съ проклятымъ гиуромъ?

— Атаманъ! Выслушай меня! Не смерть, а твоя насмѣлка страшна мнѣ. Веди меня сейчасъ противъ врага, и я подѣлю подь самое дуло.. Однако запомни мое слово, атаманъ! Дѣло будетъ жаркое и опасное. Ты будешь имѣть перестрѣлку съ кубанскими казаками.

— Ты правъ, Селимъ! Дѣло будетъ опасное. Враговъ, должно быть, много, одинъ не осмѣлится выступить противъ Ахмета. Но, князюсъ Каабой и священной Меккой—это никто другой, какъ шайтанъ Борисенко! Только этому заклятому врагу корана мога придти въ голову дерзкая мысль напасть на Ахмета неожиданно. Селимъ, полно говорить... Все уже сказано. Зови скорѣе стрѣлковъ, разсыпайся съ ними по долинамъ, заберись за камни, какъ фаланга, и жди мохъ приказаній. Я иду сейчасъ за вами.

Черезъ нѣсколько минутъ Селимъ съ шайкой разбѣжалъ у подножій той горы, на вершинѣ которой засѣлъ Борисенко. Изъ большой чадры вышелъ послѣдно и самъ Ахметъ, вооруженный съ ногъ до головы. Онъ на ходу вытаскивалъ ружье изъ чернаго мохнатого чехла.

Мѣстность была очень каменистая. Человѣкъ съ ружьемъ въ рукахъ, спрятавшійся за камнемъ, представлялъ собою какъ бы крѣпость. И трудность взять эту крѣпость была тѣмъ больше, чѣмъ лучше стрѣлялъ оборонившійся за ней.

Борисенко занявъ, несомнѣнно, прекрасную позицію. Обойти его съ тыла не было никакой возможности вслѣдствіе естественныхъ препятствій. Подойти къ нему близко съ фронта представлялось дѣломъ весьма труднымъ, такъ какъ разбойникамъ приходилось бы двигаться подь его весьма мѣткимъ огнемъ. А рука безстрашнаго казака не дрожала нисколько, не смотря на близкую опасность—напротивъ, послѣ небольшого волненія необыкновенно спокойствіе нашло на

него, какъ будто онъ собирался стрѣлять въ самые камни, а не въ людей, скрытыхъ за ними. Ему казалось, что онъ переживаетъ странный сонъ—и онъ двигался, ружье заряжалъ, коия сдерживалъ совершенно машинально.

Показавшись вдали дымогъ—грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, и пошла ружейная трескотня по горамъ, въ дальнихъ долинахъ отзывалось только эхо, яркое и громкое.

Шайтанъ связался съ разбойниками.

Съ полчаса перестрѣливались бесплодно. Шайка Ахмета пала безъ перерыва, Борисенко же стрѣлялъ рѣдко: не то, чтобы онъ берегъ патроны—ихъ у него было много, а то, что ему хотѣлось, съ одной стороны, стрѣлять наярника, съ другой—показать врагамъ убійственное хладнокровіе, полное отсутствіе страха. Онъ отлично понималъ, что въ перестрѣлкѣ спокойствіе несъма важно.—Чѣмъ спокойнѣе буду и тѣперъ дѣйствовать,—думалъ онъ,—тѣмъ болѣе будутъ возбуждаться, а слѣдовательно, беспорядочно стрѣлять и дѣйствовать наобумъ мои противники. Такъ оно и случилось. Ахметъ не вытерпѣлъ въ своей засадѣ—страшная злоба закипѣла въ немъ, онъ бросился впередъ къ камню, лежащему недалеко, чтобы хоть нѣсколько приблизиться къ «шайтану».

Это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновений. Ахметъ бѣжалъ впередъ на гору съ проворствомъ испуганнаго хамелеона.

Но едва онъ оставилъ свою прежнюю засаду, какъ Борисенко вскинулъ винтовку и выстрѣлилъ.

— Ала, ала! — застоналъ Ахметъ, медленно выпуская ружье изъ своихъ рукъ и падая на землю. Струя крови побѣжала изъ его широкой груди, онъ ухватился обѣими руками за рану и вдругъ забился въ судорогахъ... Его быстро подхватили нѣсколько дюжидъ разбойниковъ и, наскоро положивъ въ бурку, понесли въ чадру.

Въ это самое время на противоположной горѣ показалась толпа вооруженныхъ всадниковъ. Они бѣжали быстро. Впереди съ обнаженными мечемъ въ рукахъ мчался красивый воишь. Длинные распущенные волосы его развѣивались по вѣтру. Онъ вдругъ что-то крикнулъ, и отрядъ понесся во всю мочь своихъ лошадей. Буйнымъ вихремъ налетѣли неизвестные всадники на разбойниковъ. Мечи, какъ дѣны, заходили въ ихъ рукахъ. Они дѣйствовали и ружьями, и ятаганами, и пистолетами. И скоро окровавленные трупы устлали долину. Разбойники, бывшие въ засадѣ, послѣдили на помощь своимъ. Завязалась рукопашная.

Борисенко недоумѣвалъ. Откуда взялись неизвестные? Что это за отрядъ въ одеждѣ и вооруженіи турецкихъ курдовъ? Кто этотъ вождь безстрашный и разъяренный, какъ тигръ?

Битва кончилась. Шайка Ахмета все полегла подь Аю-Дагомъ. Незвѣстныхъ всадниковъ полегло также не мало. Впереди отряда лежалъ молодой красавецъ, на высокой груди его, какъ жаба на розѣ, зияла ужасная рана. Шелковый бешметъ его былъ изорванъ вражескими мечами, бѣлое тѣло глубоко изрѣзано. Изъ полуоткрытыхъ устъ вылетало предсмертное хрипѣніе... черныя тѣни мрачно ложились на его лицо. Высокая грудь, длинные волосы, тонкія черты беззащитаго лица выдавали предводителя: это была молодая женщина въ одеждѣ турецкаго курда,—это была Альба, мстившая за своего незабвеннаго Омара. Рядомъ съ нею лежала убитая Азисъ.

Воспоминанія объ ужасныхъ дѣяніяхъ Ахмета живы и понынѣ между кочевыми народами Закавказья. Въ тихій дѣтскій день, въ золотой вечеръ ликующаго мая, когда въ садахъ соби-

рается рѣзвившаяся молодежь, старики чинно садятся въ кружокъ и слушаютъ пѣсни своего горнаго соловья, слышатъ, покачивая головой. А онъ, вдыхая огонь въ свои слова, заливается въ игривыхъ треляхъ. И персты его, привыкшіе бѣгло бѣгать по струнамъ выдающей зурры, персты събѣца, легкіе, какъ грезы поэта, каждый разъ ударяютъ съ новой силой и вторятъ могучему голосу. Эхо горъ отражаетъ эти пѣсни.

Закативъ свои бѣзьян, незрѣныя очи къ небесамъ, слѣпецъ поетъ о гибели Омара, о безумной любви Альбаи, объ удамъ и безстрашномъ казацкѣ. И въ чудномъ сплетеніи словъ слышится сказать его пѣсни:

«Гордись, Кубань, сынами своимъ—могучими и неодолимыми. Гордись! Эти стальные оры стяжали тебѣ добрую и громкую славу. Невозможное для удалаго мусульманина стало возможнымъ для кубанскаго казака. Тотъ страшный камень, о который разбился храбрый Омаръ, сталь подножіемъ Борисенки!».

П. Баклейничъ.

ПОВѢСТКА.

П. фонъ-Шентана.
(Съ немецкаго).

У меня несчастный характеръ,—разсказывалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ моихъ старшихъ коллегъ.—Я нахожусь постоянно въ какомъ-то неопредѣленномъ ожиданіи чего-то недобраго и вѣчно боюсь, что надо мной стрелится какая-нибудь бѣда. Не знаю, чѣмъ объяснить подобное малодушіе и столь постыдную слабость. Долженъ однако сознаться, что, не чувствуя въ себѣ способности хоть сколько-нибудь скрасить однообразіе жизни, я только о томъ и думаю, какъ бы предохранить себя отъ неприятныхъ сюрпризовъ, могущихъ свалиться на мою посѣтѣвшую голову.

Конечно, борьба съ судьбой совершенно бесполезна: не справиться человеку съ безчисленными множествомъ злыхъ демоновъ, то и дѣло порывищихъ запутать его въ какую-нибудь болѣе или менѣе неприятную исторію. Счастливъ тотъ, кто можетъ относиться спокойно къ малостямъ господъ демоновъ и, не принимая близко къ сердцу ихъ подчасъ жестокаго протѣянія, улыбаясь, мириться съ неизбежнымъ зломъ. Я же не принадлежу къ числу этихъ счастливыхъ людей; стоить только какому-нибудь маленькому демону затронуть меня, и я начинаю клясть его, весь свѣтъ, я топаю ногами, кричу и теряю всякое самообладаніе.

На дняхъ, возвратясь домой, я уже издали замѣтилъ лежащую на моемъ письменномъ столѣ бумагу, показывающую мнѣ подозрительной при первомъ взглядѣ. Подойди ближе, и увидѣлъ довольно большой листъ, сложенный вчетверо, на которомъ красовалась огромная синяя печать полиціи. Я быстро развернулъ подозрительный листъ. Текстъ оказался почти весь напечатаннымъ. Конечно, это не удивительно! На свѣтъ такъ много жуликовъ, что не хватало бы времени и рукъ писать каждому особое посланіе.

Я прочелъ разъ—другой эти злосчастныя строки, затѣмъ читалъ ихъ еще и еще, какъ это дѣлаетъ безумно влюбленный, получившій billet doux отъ своей возлюбленной.

Для чего я понадобился полиціи? Я живу тихо, не чувствую за собой ни малѣйшей вины, воспитываю своихъ дѣтей, стараюсь сдѣлать изъ нихъ хорошихъ гражданъ и добросовѣстныхъ

плательщиковъ налоговъ; я ревностно исполняю всѣ свои обязанности дома и внѣ дома, живу скромно, не касаюсь никакихъ политическихъ вопросовъ... Положительно, не чувствую никакой вины за собой!

Перечисляя такимъ образомъ всѣ свои добродѣтели и строгіе принципы, которыхъ я придерживаюсь, я однако не могъ освободиться отъ давняшаго меня предчувствія, что въ чемъ-то я окажусь, я долженъ оказаться виновнымъ.

Мысленно я принялся подробнѣйшимъ образомъ разбирать свое прошлое, отдаваясь все дальше отъ настоящаго. Многое припомнилось мнѣ въ этотъ часъ, но все было чисто, безусловно хорошо. Вспомнилъ я, наконецъ, и окончательный выпускной экзаменъ и какъ для этого событія доставалъ фракъ... Господа помилуй!—Да вѣдь я тогда не возвратилъ фрака! Вечеромъ, по окончаніи экзаменовъ, мы веселились. На-радостяхъ, что я не провалился, я съ нѣсколькими товарищами кутнулъ такъ хорошо въ эту ночь (чего, однако, впоследствии со мной больше ни разу не случалось).

На слѣдующее утро я увидѣлъ, что фракъ значительно пострадалъ, и я никакъ не могъ объяснить себѣ, какимъ образомъ на одной изъ его фалдъ появилось большое пятно отъ майонеза. Не даго думая, я отослалъ фракъ въ красильню, гдѣ онъ, должно быть, по настоящее время еще пребываетъ.

Неужели же владѣлецъ этого фрака подалъ жалобу на меня? Но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло уже 26 лѣтъ. Что то невѣроятно, чтобы послѣ столь продолжительнаго срока...

Вскорѣ послѣ этого я женился. Обрядъ вѣчанія былъ совершенно по всѣмъ правиламъ, предписываемымъ закономъ. О рожденіи каждаго своего ребенка я тоже своевременно заявлялъ, куда слѣдуетъ. Когда же они достигали шести лѣтъ, я, согласно требованію закона, отдавалъ ихъ въ школу. Всѣ они у меня подтверждены во-время, а старшій уже отслужилъ годъ военной службы. Я представлялъ его въ полкъ какъ можно раньше, чтобы не могло возникнуть и тѣни подозрѣнія, что, быть можетъ, я отецъ желающаго бѣжать отъ службы... Оспу намъ вѣдь прививали; Катюшѣ, самой младшей, ее привили на ногѣ. На этомъ настояла моя жена, чтобы не лишать свою дочь возможности носить вѣршанна платья. Но это, я думаю, рѣшительно безразлично для полиціи...

Крайне взволнованный, совершенно растерявшись, я все глуже, все безпощаднѣе рылся въ воспоминаніяхъ. Точно молнией въ моей головѣ пронеслась мысль о томъ, что въ ресторанѣ, гдѣ вотъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ я каждый вечеръ скромно играю партію въ скатъ, внезапно разсчитался оберъ-карьеръ. Наканунѣ этого маловажнаго событія у меня съ нимъ вышло маленькое недоразумѣніе... Онъ полагъ мнѣ невѣрный счетъ, и я выругался... Что, если онъ подалъ на меня жалобу за оскорбленіе? Что я говорилъ ему? Какое у меня могло вырваться компрометирующее выраженіе? Или, быть можетъ, онъ донесъ на меня? Но вѣдь разговоры наши во время игры самые невинные, самые безобидные... Несмотря на это, я въ теченіе слѣдующаго получаса вспомнилъ съ подложныи «возможностей», по поводу которыхъ могъ быть сдѣланъ доносъ, и уже я старался примириться съ мыслью объ обыскѣ въ моемъ домѣ и о страшномъ допросѣ. Конечно, въ концѣ-концовъ, моя невинность обнаружится и меня освободятъ, но эта увѣренность не могла вполнѣ уничтожить страха, овладѣвшаго мной при мысли о предстоящемъ, быть можетъ, временномъ лишеніи свободы.

Я подумалъ о своемъ зятѣ, состоящемъ редакторомъ прогрессивной политической газеты и отсидѣвшемъ шесть недѣль. Боже мой, какъ описывалъ онъ намъ послѣ этого неприятный эпизодъ! Какими яркими красками рисовалъ онъ самыя возмутительныя партіи изъ своего пребыванія въ тюрьмѣ.

Меня неудержимо влекло къ моему адвокату, съ которымъ мнѣ хотѣлось посоветоваться. Но что могъ я ему сказать? Онъ, навѣрное, посмѣялся бы надо мною! И я опять утѣлся за письменный столъ и опять предался грустнымъ размышленіямъ. Въ это время ко мнѣ вошла жена. Ласково улыбаясь, она провела рукой по моему озабоченному лбу и участливо спросила: «что опять тревожитъ тебя?» Это, увѣрно васъ, ангель, а не жена! Я молча подалъ ей повѣстку. Продолжая улыбаться, она спросила «пу, такъ что же?»

— Я знаю не больше твоего, въ чемъ меня обвиняютъ. Вѣрно только то, что на мою долю выпала опять одна изъ тѣхъ неприятностей, которыя отправляютъ и безъ того невеселое существованіе.

— Неужели ты не догадываешься, въ чемъ тутъ дѣло?—начала допрашивать жена, начиная также беспокоиться.

Я отрицательно кивнулъ головой, избѣгая однако при этомъ смотрѣть ей въ глаза. Вѣдь не могъ же я съ увѣренностью рѣшить, что неприятная исторія съ фракомъ... Тутъ меня осенила новая мысль, и, глядя прямо въ глаза женѣ, я спросилъ: скажи правду, твоя совѣсть вполнѣ чиста?

Улыбка исчезла съ устъ ея, и она испуганно посмотрѣла на меня. Очевидно, въ ней происходила борьба, сознаться ли или скрыть то, что она тала въ душѣ. «Милая», обратился я къ ней, сознайся во всемъ... если мы не станемъ заператься, а скажемъ сами всю правду, насъ не такъ строго будутъ судить. Говори же скорѣе, въ чемъ дѣло?»

— Видишь ли, я не хотѣла огорчать тебя, а потому умолчала... Четыре дня тому назадъ стоявшій на окнѣ олеандръ упалъ внизъ... тихо, нетвердымъ голосомъ сказала моя жена.

— А вѣдь сколько разъ я просилъ тебя привязать эту отвратительную мелку. Ну, вотъ теперь мы дождались бѣды! Теперь становится понятнымъ. А сколько человѣкъ было при этомъ ранено? Быть можетъ, кто-нибудь былъ убитъ? Прошу тебя, хоть теперь говори все, всю правду!

Жена принадлежить къ счастливымъ натурамъ. Опять улыбка озарила ея лицо.

— Да вѣдь онъ упалъ не на улицу, а въ палисадникъ. Къ тому же я сама позвала хозяйка и тутъ же уплатила ему три марки штрафа за произведенный безпорядокъ.

Успокоившись немного, мы нѣсколько минутъ молча размышляли, каждый про себя, глядя при этомъ на злосчастную повѣстку.

— Не было ли у тебя ссоры съ прислугой? Съ этимъ народомъ вѣдь надо быть очень осторожнымъ.

— Ну, съ этими особами я и люблю церемониться и не пускаюсь въ долгіе разговоры. Лишь въ понедѣльникъ я безъ всякаго предубрежденія отослала Аннушкѣ и выгнала ее, такъ какъ это начальное существо...

— Другими словами, ты ей дала въ шеню? Вспомни, не забывалъ ли ты при этомъ? Быть можетъ, несмотря на свою безконечную доброту, ты вспылила и позволила себѣ быть грубой?

— Я вовсе не разговаривала съ ней, а дала ей просто хорошую пощечину,—воскликну-

ла жена, твердо убѣжденная въ справедливости этого поступка.

— Теперь все ясно... Не можетъ быть сомнѣнія, рѣчь идетъ объ Аннушкѣ, подавшей на тебя въ судъ... И обо всемъ этомъ мнѣ ничего не говорятъ! А я то, глупецъ, вполнѣ увѣренъ, что въ моемъ домѣ все обстоитъ благополучно, что у насъ господствуетъ миръ и порядокъ!

— Да вѣдь я хотѣла пощадить тебя, ду-мала, что не слѣдуетъ разстраивать тебя подобными пустяками, которыхъ въ хозяйствѣ избѣгнуть никакъ нельзя,—ее слышно отвѣтила жена и поднесла платокъ къ глазамъ.

Въ это время Инна, моя шестнадцатилѣтняя дочь, войдя въ кабинетъ, доложила, что въ кухнѣ ждетъ Аннушка, пришедшая просить прощенья у барыни.

Невольно мы переглянулись и улыбнулись. Такъ, значить, Аннушка не подала на насъ, значить, страхъ былъ напрасенъ. Но въ чемъ же дѣло, въ такомъ случаѣ? Жена быстро пошла въ кухню, а дочь моя осталась со мной. Не желая нарушать душевный покой своего ребенка, я заговорилъ съ нею о самыхъ безразличныхъ вещахъ и спросилъ, между прочимъ: «почему же ты не рассказываешь мнѣ, какъ ты провела въ понедѣльникъ вечеръ у Г...?»

— Потому что нечего рассказывать,—важно заявила маленькая барышня, лишь недавно одѣвшая первое длинное платье.—Трудно представить себѣ что-либо болѣе скучное, чѣмъ этотъ противный инспекторъ А. Впрочемъ, я не стѣсняюсь высказала ему свое мнѣніе; онъ не скоро забудетъ меня...

— Что ты? Вѣрно ли я слышу? Ты наговорила ему Богъ знаетъ что? Да вѣдь это оскорбленіе чиновника! Такъ вотъ, глупа же! Видишь эту повѣстку? Это меня вызываютъ въ полицію. Нѣтъ ничего удивительнаго! Ну, ну, нечего сказать, сюрпризъ за сюрпризомъ. Я жилъ въ полной увѣренности, что семья моя самая привѣртливая, а тутъ вдругъ оказывается, что моя жена бьетъ прислугу, а ты наносишь оскорбленіе заслуженному чиновнику, состоящему на государственной службѣ... Приятное открытіе! Скажи ужъ всю правду, не украла ли ты еще чего-нибудь или, быть можетъ, Анастасій ограбилъ кого-нибудь? А ну, позови-ка его сюда!

Инна вышла съ поникшей головой. Я затронулъ ея дѣтское гордытѣ, и хотя она ни словомъ не высказала этого, я понялъ по вздрагиванью ея плечъ, что очень обидѣлъ ее, что она плачетъ. Но такъ ей и слѣдуетъ! рѣшилъ я, и сердито крикнулъ ей вслѣдъ: «такъ помни же разъ на всегда, что люди, служащіе отечеству и государю, никогда не бываютъ скучными. Никогда, повяла?» До сегодняшняго дня я жалѣю, что былъ такъ рѣзокъ съ дочерью, что не сумѣлъ владѣть собою.

Явился старшій сынъ. Долженъ сознаться, что это самый благовоспитанный молодой человекъ и что я не мало горжусь имъ. Учится онъ превосходно и вотъ вотъ окончитъ свои экзамены и будетъ архитекторомъ.

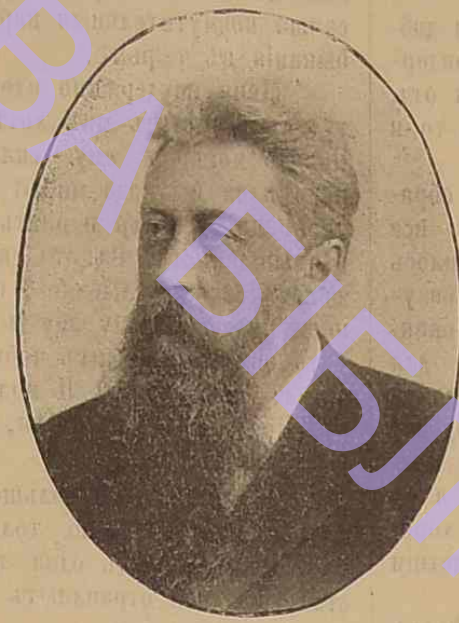
— Я увѣренъ,—обратился я къ сыну,— что ты ни въ чемъ не провинился и что нѣтъ никакого повода упрекать или бранить тебя. Однако, я долженъ спросить тебя, не можешь ли ты помочь мнѣ напасть на слѣдъ причины, по которой меня вызываютъ въ полицію. Вотъ, прочти эту ужасную повѣстку!

Бѣдный малый смертельно поблѣднѣлъ, прочтя повѣстку. «Все пропало, все пропало»,—простоналъ несчастный и схватился обѣими руками за голову. Ошеломленный, я глядѣлъ на сы-

* См. № 4437 „Од. Нов.“.

С. И. Знаменскій.
(Предсѣдатель).

Н. И. Драго.

К. А. Иващенко.

П. А. Зеленый.
(Товарищъ предсѣдателя).

А. И. Маркевичъ.

А. П. Миловидовъ.

Г. Х. Ниничъ.

К. О. Рандичъ.

И. Л. Руденко.

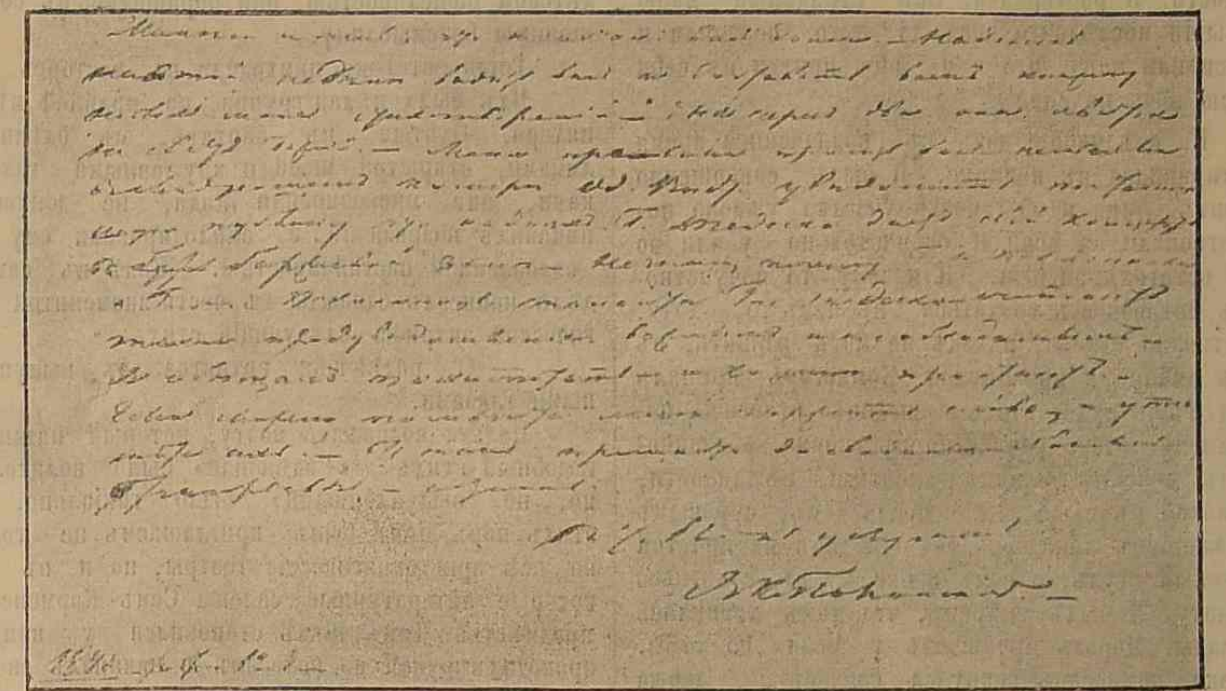

М. М. Синцовъ.

Гр. М. М. Толстой.

Правленіе одесскаго славянскаго благотворительнаго общества.

Письмо Я. П. Полонскаго къ редактору «Одес. Вѣстника» Н. Г. Тройницкому.
(Факсимиле).

на, не будучи въ состояніи даже спросить, въ чемъ дѣло.

— Папа,—еле слышно променталъ бѣдняга,—вѣдь я сознаю, что сдѣлалъ большую глупость... Но товарищи не давали мнѣ покоя... они такъ соблазнили меня... и вотъ мы рѣшили устроить сходку... Но вѣдь въ этомъ, право, нѣтъ ничего дурнаго... Мы устроили общество... —Отъ волненія онъ сильно заикался и, наконецъ, до того растерялся, что мнѣ пришлось придти ему на помощь и предлагать вопросы, чтобы толкомъ узнать все.

— Что за общество?—допытывался я... Какъ вы назвали его? Если это политическiй собраніе... Говори же, какъ назвали вы свое общество?

— „Мать королю!“—променталъ Анатолій.— Мы собираемся только ночью въ погребѣ. И вотъ

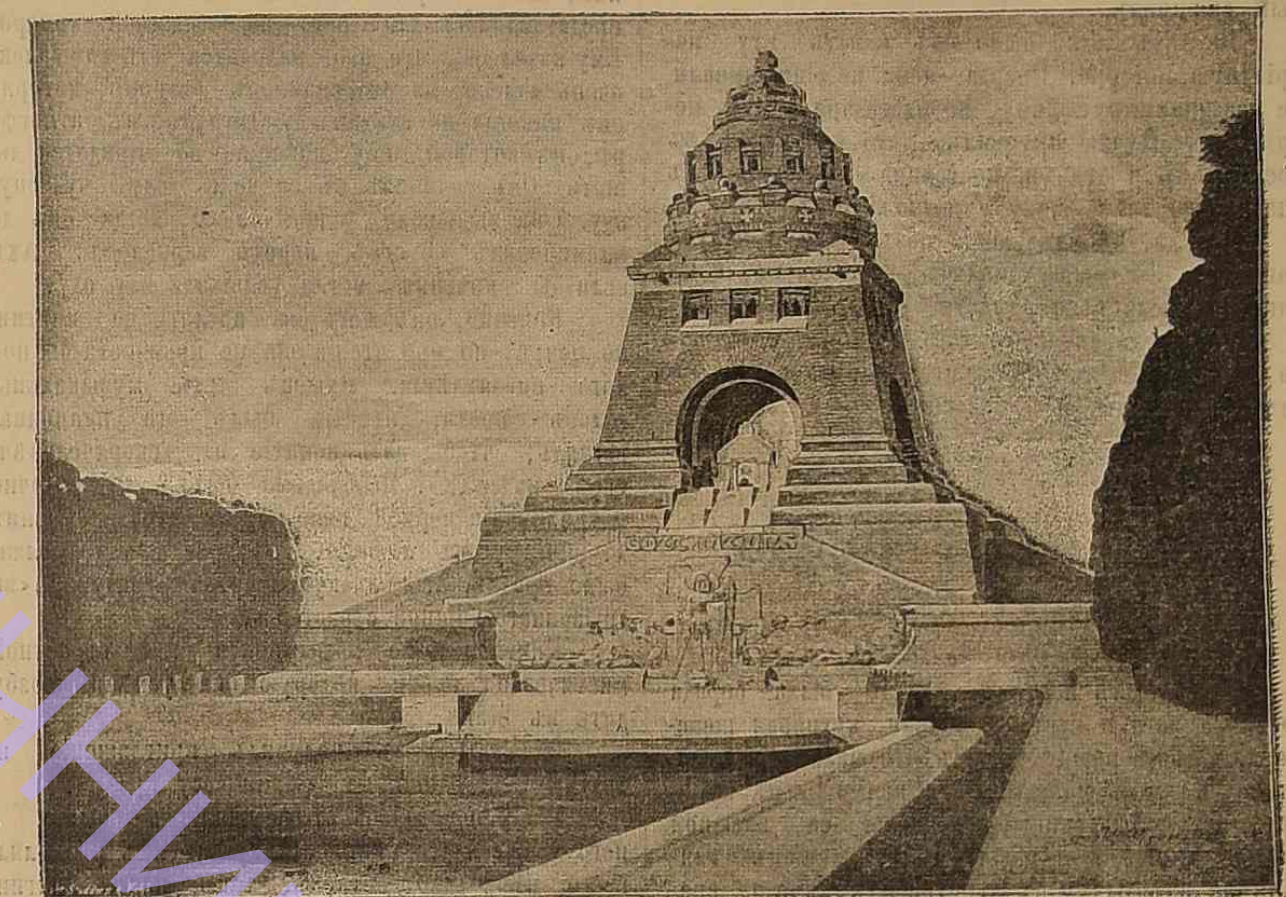
почему я по субботамъ прихожу такъ поздно домой.

— Вы съ ума сошли! Вы хотите учить короля? Вы смѣете судить его и угрожать? Анатолій, до чего дожилъ!

— Да нѣтъ же, папа, зачѣмъ ты говоришь такія ужасныя вещи! Вѣдь мы играемъ въ шахматы и поэтому назвали нашъ клубъ „мать королю!“

— Дураки вы!—крикнулъ я въ себя, топая ногами.—За подобныя глупости можно поплатиться головой! Такъ вотъ за что меня требуютъ въ полицію! Ахъ вы, негодяи! Меня считаютъ отцомъ государственнаго преступника!

Несчастный не смѣлъ поднять головы; точно провинившійся школьникъ, стоялъ онъ предо мной. Мнѣ стало жаль его. Я видѣлъ, что ему стыдно и что онъ глубоко жалѣеть о сдѣланной

Национальный памятникъ въ Лейпцигѣ.

глупости. Я растерялся. Веѣ сдѣлали мною открытія послѣдняго часа до того поразилъ и обезумилъ меня, что я не могъ притти въ себя и всю ночь не спалъ.

На слѣдующій день въ назначенное время я отправился въ полицію. Я былъ совершенно разбитъ. Лица и обстановка участка ужасно подѣйствовали на меня и окончательно убили во мнѣ остатокъ энергіи. Я почему-то почувствовалъ потребность сознаться въ чемъ то, хотя, собственно говоря, никакъ не могъ рѣшить, въ чемъ именно я провинился. Комиссаръ принялъ меня очень сухо; этотъ господинъ, относясь по-видимому, очень ревностно къ своимъ обязанностямъ, пересталъ придерживать въ жалости, принятой въ обществѣ. Молча, съ суровымъ выраженіемъ лица, указалъ онъ мнѣ на простой плетеный стулъ, а самъ вышелъ въ сосѣднюю комнату. Я былъ увѣренъ, что тамъ хранились каздалы. Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ. Однако, комиссаръ вернулся сейчасъ-же, держа въ рукахъ свертокъ. «Ареатическая одежда», съ ужасомъ подумалъ я. Долженъ терять было выше моихъ силъ. Я всталъ съ твердымъ рѣшеніемъ добровольно признаться во всѣхъ преступленіяхъ своей несчастной семьи. Но комиссаръ предупредилъ меня. Онъ поднесъ мнѣ къ самому носу бумажникъ, тотъ самый, который моя дочь Нина подарила мнѣ на Рождество. Нѣсколько недѣль тому назадъ, пріиди домой, я не нашелъ бумажника въ карманѣ. Много я горевалъ, но, наконецъ, успокоился. Какъ я обрадовался, когда этотъ бумажникъ снова очутился у меня. Но еще больше я былъ пораженъ, когда чиновникъ объявилъ мнѣ, что бумажникъ два дня тому назадъ былъ найденъ въ карманѣ внезапно умершаго известнаго вора. Должно быть, этотъ ловкій мастеръ своего дѣла вытаскивалъ у меня его въ ресторанахъ.

— Ну, вотъ видишь, — сказала моя дрожащая половина, это милое доброе существо, еще вѣрнее въ добродѣтели людскую: — опять ты ясно предчувствовалъ крупную неспрнтность и по обыкновенію ошибся. Въместо всѣхъ ожидаемыхъ ужасовъ на твою долю выпалъ пріятный сюрпризъ.

Не такъ легко было мнѣ забыть эту пріятную исторію. Правда, меня недопрашивали, не засадили въ тюрьму, но благодаря этому пріятному случаю я узналъ, что творится въ моемъ домѣ и что я постоянно нахожусь въ опасности, точно живу у подножія вулкана.

Да, да, въ слѣдующій разъ, если я получу повѣстку, я вовсе не удивлюсь, — наоборотъ, меня удивитъ, если меня не потребуютъ въ полицію. Я живу съ увѣренностью того неспрнтнаго момента, когда меня, раба Божьяго, привлекутъ къ отвѣтственности, и я покоенъ.

Принцесса Греза.

Разсказъ Р. О'Монруа.

(Съ французскаго).

Жакъ былъ поэтомъ. У него была борода древняго мага и густая, черная, кудрявая шевелюра. Онъ первый открылъ, что маленькія птички на вѣткахъ пищали «кюи! кюи!» Онъ замѣтилъ, что воды, эти добрые воды съ влажной мордой и рыжей шерстью, съ умилениемъ глядѣли на звѣзды. Онъ употребилъ много времени на основательное изученіе языка цвѣтущей акаціи. При чтеніи его стиховъ трудно было найти много смысла, но когда онъ декламировалъ ихъ съ своимъ южнымъ акцентомъ и

дѣтской нецелесообразностью, они обращались въ совершенную бессмыслицу.

Тогда эстетика приходили въ восторгъ. Ихъ была цѣлая группа, по крайней мѣрѣ, пятеро. Одѣтые въ бархаты, съ бабьими лицами, открытой шеей и кружевными галстуками, они превозносили Жака, не допуская никакихъ возраженій и апплодировали ему съ озлобленной настойчивостью. Жакъ въ самомъ дѣлѣ написалъ однажды въ честь знаменитой трагической актрисы слѣдующій стихъ:

— О, радбющая артистка съ выжупленными глазами.

Нельзя возражать поэту, который написалъ подобный стихъ. «Радбющая» было неслучайно, но «выжупленными» было гениально. Съ этихъ поръ Жакъ былъ приглашаемъ не только во всѣ аристократическіе театры, но и въ нѣкоторые литературные салоны Сень-Жерменского предместья. Тамъ Жакъ становился у камина, проводилъ рукой по волосамъ и начиналъ своимъ пѣвучимъ голосомъ декламировать свои поэмы. Герцогини въ восхищеніи узнавали, что маленькія птички пищали «кюи! кюи!», у маркиза глаза наполнялись слезами при мысли о томъ, что воды глядѣли на звѣзды и у цвѣтущей акаціи былъ свой языкъ. Веѣ перегадывались, одобрили, похваливая головой, и шептались: «Чудесно! Восхитительно! Гениально! Какой артист! Сколько души!» и т. д.

Только одна княгиня Ольга Палатова не раздѣляла общаго восторга. Княгиня Ольга была одной изъ тѣхъ удивительныхъ россиянокъ, которые по своему уму, образованію и граціи заслужили названіе «свѣршенныхъ парижанокъ». Закутавшись въ горностаявую шубку, она сидѣла въ отдаленномъ углу салона и слушала декламацию Жака съ презрительнымъ видомъ. Напрасно пламенный трубадуръ слалъ ей крылатыя строфы. Голубые глаза княгини дышали холодомъ, на губахъ мелькала насмѣшливая улыбка, и по окончаніи она наклонилась къ своей сосѣдкѣ, чтобы прошептать въ подолоса: «Я нахожу его стихи произведеніемъ идіота».

Какъ всегда бываеъ въ подобныхъ случаяхъ, Жакъ безумно влюбился въ княгиню. Она представлялась для него недостижимой химерой. Ему казалось, что она находится гдѣ-то далеко, очень далеко, на очарованномъ островѣ, котораго онъ никогда не сможетъ достигнуть, въ атмосферѣ, въ которой ему никогда не придется дышать. Онъ сочинилъ въ ея честь оду, чудесную оду. Она вызвала у него слезы, когда онъ декламировалъ ее себѣ передъ зеркаломъ. Ахъ! если-бы княгиня могла услышать эту оду.

Конечно, онъ могъ-бы послать ее княгинѣ по почтѣ, но при чтеніи она не произвела-бы полнаго впечатлѣнія. Нуженъ былъ музыкальный голосъ поэта, нуженъ былъ его пламенный взглядъ, чтобы дать понятіе о «сверхчеловѣческой надеждѣ». Необходимо было лихорадочное потряхиваніе черной шевелюры, чтобы уяснить «горячій угаръ любви». Вѣдное лицо должно было предвѣщать близкую смерть трубадура, «загрязненнаго лицомъ страстью».

Княгиня и не подозрѣвала той страстной, мистической любви, которую она успѣла возбудить въ Жакѣ.

Однажды Жакъ получилъ приглашеніе въ театрѣ Ренессансъ на «Принцессу Грезу».

Жаку показалось это внушеніемъ свыше. У него также была принцесса Греза. Ихъ раздѣляло всего нѣсколько метровъ, такъ какъ княгиня Ольга сидѣла въ ближайшей отъ него ложѣ, но онъ не могъ войти туда: между ними была пропасть... социальнаго положенія.

Что дѣлала на сценѣ храбрый Бертраанъ

Онъ смѣло явился во дворецъ, побѣждалъ стражу, убивалъ страшнаго рыцаря Зеленыхъ латъ и, окованный, растрепанный, дрыпаясь къ прищесью. Мелиссаида съ трепетомъ спрашивала:

— Что вы хотите мнѣ сказать, мессиръ?

— Стихи,

отвѣчалъ поэтъ, и зала разражалась единодушными рукоплесканіями. Принцесса немедленно влюбилась въ поэта.

Жакъ рѣшилъ послѣдовать примѣру Бертраана. На слѣдующее утро онъ явился во дворецъ княгини, вооруженный толстой дубиной. Узнавъ отъ швейцара, что княгиню нельзя видѣть, онъ втолкнулъ его въ его каморку и заперъ на ключъ. Лакея, прибѣжавшаго на крикъ, онъ сбросилъ съ лестницы. Во второмъ этажѣ онъ нагналъ на испуганную камеристку, свалилъ ее на зѣмь ударомъ кулака и проникъ въ будуаръ княгини.

Что — вамъ нужно? — вскричала разбитая княгиня Ольга.

— Сказать вамъ стихи, — отвѣтилъ Жакъ, опускаясь на колѣни.

Онъ началъ свою оду. Но онъ не имѣлъ времени ее окончить. Не успѣлъ онъ прочесть и двухъ строкъ, какъ почувствовалъ на своихъ плечахъ руку комиссара, который потащилъ его объясняться въ полицію.

Въ нашъ прозаическій вѣкъ рыцари Зеленыхъ латъ замѣнились полиціей, а вѣчная рука Мелиссаиды тяжелой дланью комиссара... Л.

Что видѣлъ ангель?

Въ чудную лунную ночь съ яснаго безоблачнаго неба сватилась звѣздочка. Видно было, какъ она дрогнула и потонула въ пространствѣ, оставивъ по себѣ мгновенный ярко-свѣтящійся свѣтъ...

То была не звѣздочка, а ангель, посланный Богомъ въ міръ къ людямъ, съ повѣщеніемъ посмотрѣть, что дѣлаютъ люди на землѣ и донести обо всемъ Ему... Ангель, посланный вѣрнѣю Божію, погетѣлъ звѣздочкой яркой и ласковой, и привѣтливая улыбка его освѣтила пространство, по которому онъ пролеталъ...

И летитъ онъ надъ поверхностью земли и видитъ...

Далеко, далеко раскинулся огромный городъ... Пестрыми лентами тянутся ряды его разноцѣтныхъ домовъ... Верхи его башенъ и храмовъ тонуть въ небѣ. — Но ангелу онъ кажется маленькой точкой...

Спать въ немъ люди, утомленные дневной жизнью, движеніемъ, суетою, работой... Стихъ оживленный шумъ дневной... Все тихо. Все спитъ. Но вотъ вдали чуть виденъ огонекъ. И видитъ ангель... Внизу, въ подвалѣ роскошнаго барскаго дома — сидитъ за убогимъ деревяннымъ столомъ человекъ. Онъ не спитъ. Опустивъ свою усталую голову на руки, онъ глубоко задумался. Онъ думаетъ о томъ, что силъ не хватаетъ больше на эту жизнь... Что голодъ, этотъ ужасающій бичъ всей его жизни — одолѣть его, бороться съ нимъ ужъ онъ не въ силахъ... Онъ побѣдѣнъ... Вѣчная нужда истомила его, вѣчныя неудачи отняли у него и силы, и энергію... Онъ хочетъ труда, но ему

не пауетъ его. А за подавленіемъ не протянется его рука. И вотъ ужъ второй день сидитъ онъ безъ хлѣба. Что онъ? — онъ еще силенъ, онъ выдержитъ. А если онъ и не выдержитъ, если онъ умретъ — что ему въ этой жизни, полной безпрерывнаго горя и лишеній, безпрерывной вудай, неосушаемыхъ слезъ, несмолающихъ рыданій? О, съ какой радостью онъ умеръ бы сейчасъ же. Съ какимъ наслажденіемъ онъ унесъ бы въ мягкую, покойную зѣмлю! — Но что будетъ съ ней? — Что будетъ съ его любимой женой, которая лежитъ тамъ, въ сыромъ углу, на ветхихъ жесткихъ доскахъ, служащихъ постелью; больная, измученная голодомъ и страданіями? — Что будетъ съ ней, когда онъ умретъ? А вѣдь онъ любитъ ее больше жизни, вѣдь хочетъ сдѣлать ее счастливой... Нѣтъ, онъ и умереть не имѣетъ права! Онъ долженъ жить для нея, которая отдала ему жизнь свою и любовь. Онъ долженъ жить для ея жизни, для ея спокойствія, для ея счастья... Какъ они могли-бы быть счастливы!.. Но эта нужда, эта ужасающая, безвыходная нужда, которой не предвидится конца, этотъ голодъ, обезсилившій ихъ, приковавшій ихъ къ постели... Чего онъ ждетъ? Помощи? Откуда? Отъ людей? Люди черевы, они не помогутъ, они не помогутъ имъ... Отъ Бога?!

И руки его сами складываются для молитвы, и устами, больная голова подымается къ небу, и полный слезъ взглядъ обращается къ Богу съ горячей мольбой за нее, за жену, которая ему дороже жизни. И слезы начинаютъ все чаще и чаще падать на убогій столъ, а онъ, не отпуская глазъ, молится всевидящему Богу... И чувствуетъ онъ, какъ давящая его тяжесть спадаетъ съ сердца, какъ свѣтлѣетъ на душѣ у него, какъ снова исходитъ надежда въ его душу, и тихія облегчающія рыданія молитвы и надежды звучатъ въ убогомъ жилищѣ нужды и голода.

И ангель глядитъ на него, и простираетъ руки надъ нимъ, и также, какъ и онъ молится Богу о его счастья, и такъ-же, какъ у него, тихія слезы молитвы и скорби струятся изъ крохотныхъ очей ангела.

А сверху въ этомъ-же роскошномъ домѣ гремитъ музыка. Пышный залъ занятъ огнями, сверкая золотомъ, серебромъ, хрусталами. По зеркальному паркету движется толпа разряженныхъ гостей. Тысячи огней несутся въ драгоценныхъ камешкахъ, которыми увѣшаны ихъ лица, шей и руки... Дорогие наряды спорятъ между собой въ цѣнности... Музыка гремитъ, и толпа гостей съ радостными, свѣтлыми лицами, несется по залу въ вихрѣ огрующаго вальса... Сколько улыбающихся лицъ, сколько счастливыхъ вопросовъ, сколько беззаботнаго веселья!.. Это — царство жизни, роскоши, богатства. И это — царство эгоизма!

Музыка гремитъ... Люются рѣкою дорогія вина, роскошные, золоченые столы ломятся отъ дорогихъ блюдъ... И сытые гости длинными рядами окружаютъ столы...

Музыка гремитъ... Звучать дивныя рѣчи любви, хлопаютъ бутылки, звенятъ бокалы, съ шипящей струей пѣнищаго вина, а взрывы веселаго смѣха оглашаютъ залъ...

И въ этомъ громѣ музыки, въ вихрѣ вальса, въ звонѣ бокаловъ, въ взрывахъ безпечнаго смѣха до нихъ не доносится рыданія измученной души, разпадающаго воятъ ихъ, подъ ними... Они не слышатъ. Они не могутъ ихъ слышать, они не хотятъ ихъ слышать: это нарушило-бы ихъ праздникъ. Эти рыданія, какъ рѣзкій аккордъ, прозвучали-бы въ отрадной иѣжной мелодіи ихъ жизни и нарушили-бы гармо-

нію, вызвали-бы диссонансъ. И они забываютъ о немъ, они не слышатъ его... Здѣсь, наверху, горы хлѣба, уложенныя красиво на столы, внизу, — ни куска, — и тамъ его ждуть, тамъ его не видали два дня. Но если-бы отсюда взяли кусочекъ хлѣба, это нарушило-бы симметрію стола...

Музыка гремитъ... Веселье въ полномъ разгарѣ... Шумъ, звонъ, смѣхъ и радость... Это — праздникъ жизни, рядомъ съ праздникомъ смерти, смѣхъ безпечнаго веселья рядомъ съ воплями отчаянія... И одно чудно другому...

И ангель видитъ это, и темнѣетъ его ликъ... И съ болью и тоской онъ летитъ далѣе...

Д. Г.

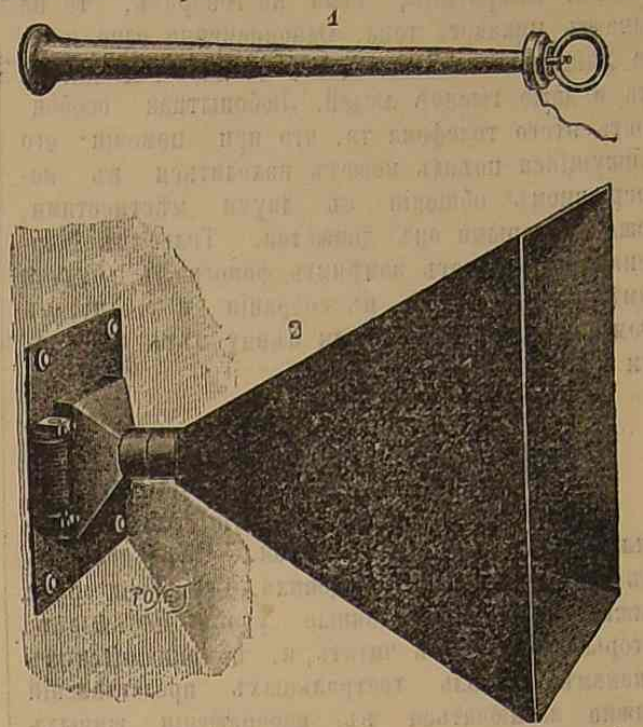
Национальный памятникъ въ Лейпцигѣ.

Въ началѣ октября на вершинѣ Штетерца, въ Лейпцигѣ, состоялась закладка національнаго памятника на мѣстѣ, гдѣ 85 лѣтъ тому назадъ Наполеонъ потерпѣлъ поражение, послѣ чего долженъ былъ удалиться изъ Германіи. Недалеко отъ озера, окруженнаго высокими скалами, воздвигается пирамидальное гигантское сооруженіе въ 90 метровъ вышиною. Большой рельефъ, иѣмьющій съ одной стороны лѣтницу, символизируетъ великій освободительный подвигъ. На поверхности въ 1800 кв. метровъ возвышается четырехгранная пирамида, иѣмьющая круглую настройку, увѣнчанную желѣзнымъ крестомъ. Четыре громадныхъ арки въ 14 метровъ въ диаметрѣ ведутъ во внутрь колоссальнаго памятника. Галереи въ 60 и 80 метровъ вышиной создаютъ перспективу не только для обширнаго, далекаго поля битвы, гдѣ пролита была иѣмецкая кровь, но и для обширныхъ полей, цвѣтущихъ среди многолѣтняго мира и спокойствія. Все это сооруженіе пока еще въ проектѣ, но гигантскія земляныя работы поднимаются съ такой быстротой, что въ началѣ будущаго года уже будетъ положенъ фундаментъ для этого громаднаго памятника.

Новый видъ телефона.

Въ послѣднее время во французскомъ министерствѣ торговли производились опыты съ изобрѣтеннымъ инженеромъ Жерменомъ новымъ видомъ телефона, при помощи котораго сразу уничтожаются всѣ неудобства нынѣшняго телефона и создается возможность установить сношенія на далекай разстояніи. Телефонъ Жермена мало отличается отъ теперешнихъ образцовъ, но его микротонъ подвиженъ — вѣсто теперешняго неподвижнаго, а приемникъ, напротивъ, неподвиженъ. Изобрѣтеніе Жермена состоитъ главнымъ образомъ въ замѣнѣ угля веществомъ болѣе легкимъ, менѣе сжимаемымъ и гораздо болѣе чувствительнымъ къ звуку. Благодаря этому является возможность употреблять токи различной силы и большаго напряженія, — явленіе совершенно новое въ телефонномъ дѣлѣ. При теперешнихъ аппаратахъ число элементовъ всегда одинаково, на какомъ бы разстояніи ни происходили сношенія. Вотъ почему разговоры на большихъ разстояніяхъ необыкновенно утомительны, требуютъ чрезвычайнаго напряженія. Напротивъ, въ телефонѣ Жермена возможно из-

мѣненіе токовъ, такъ что соответственно разстоянію можно взмѣнять силу звука. При новомъ видѣ телефона абонентъ долженъ только позвонить въ центральное бюро, а затѣмъ онъ мож-

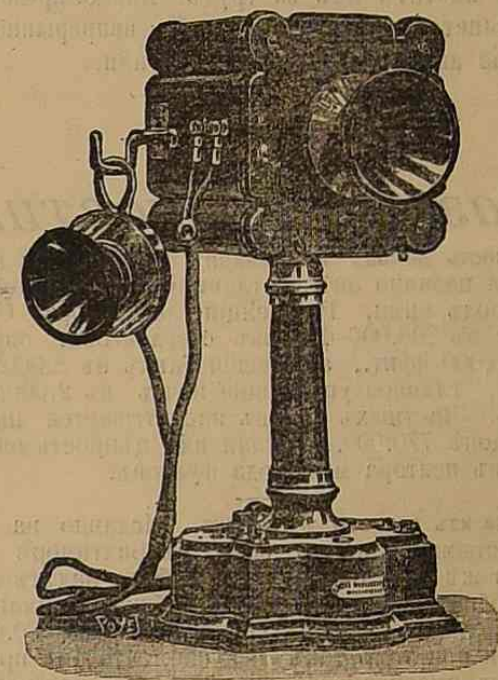

жетъ слушать и разговаривать со своимъ собеседникомъ, не имѣя надобности становиться по-

Инженеръ Жерменъ.

редѣ отвертѣемъ аппарата и прикладывать трубку къ уху. Когда говорятъ, вещество, замѣня-

ющее уголь, приходятъ въ движеніе и образуетъ первоначальный токъ. Это постоянное движеніе дрожащихъ частицъ уменьшаетъ инерцію микрофоновъ. Напротивъ, если не говорить, то не бываетъ никакого тока. Одновременно одно и то же лицо можетъ сообщать что-либо двадцати, ста и даже тысячъ людей. Любопытная особенность этого телефона та, что при помощи его движущійся поѣздъ можетъ находиться въ непрерывномъ общеніи съ двумя мѣстностями, между которыми онъ движется. Телефонъ Жермена легко можетъ замѣнить фонографъ, будучи помѣщенъ на сценѣ, въ собраніи и т. п.; въ этомъ случаѣ оратору или лѣвцу нѣтъ надобности кричать въ фонографъ.

ТЕАТРЪ ВЪ АННАМЪ.

Драматическое искусство въ Аннамѣ сложилось подъ вліяніемъ Китая. Оно состоитъ изъ драмы, комедіи и водевилля. Серьезная драма должна давать нравственные уроки невѣждамъ, которые не умѣютъ читать, и, по аннамитскимъ законамъ, «цѣль театральнаго представленія должна заключаться въ изображеніи живыхъ или воображаемыхъ честныхъ и хорошихъ людей, цѣломудренныхъ женщинъ и покорныхъ дѣтей, для того чтобы вызвать зрителя къ добродѣтели». Драма состоитъ вообще изъ четырехъ актовъ и иногда имѣетъ еще прологъ. Интрига заканчивается наказаніемъ порока. Комедія также награждаетъ добродѣтель, но добродѣтель на востоцкѣ часто бываетъ порокомъ на западѣ. Такъ, напр., къ Транъ-Во добродѣтельнымъ лицомъ является старикъ, который желаетъ имѣть вторую жену, потому что первая, госпожа Во, уже стара. Оригинальна у аннамитовъ постановка пьесъ. Актеры при каждомъ появленіи на сценѣ кланяются публикѣ; суфлеръ сопровождаетъ ихъ во время дѣйствія и, усаживаясь возлѣ нихъ или стоя, подаетъ имъ реплики. Героическія мѣста читаются обыкновенно тонкимъ голосомъ, а комички говорятъ басомъ. Послѣ акта занавѣсъ не опускается, и декорации мѣняются при поднятомъ занавѣсѣ. Актеры, не участвующіе въ представленіи, спокойно ждутъ своей очереди возлѣ оркестра, и когда происходитъ перерывъ, то видно, какъ они гримируются. Женщины вовсе не играютъ, а образуютъ особый хоръ, который никогда не участвуетъ въ представленіи одновременно съ актерами. Представленія всегда даются бесплатно для народа. Актеры играютъ по приглашенію мандарина или богатаго частнаго лица, которое платитъ имъ за трудъ. Иногда представленіе тянется нѣсколько дней непрерывно, и уставшіе актеры замѣняются другими.

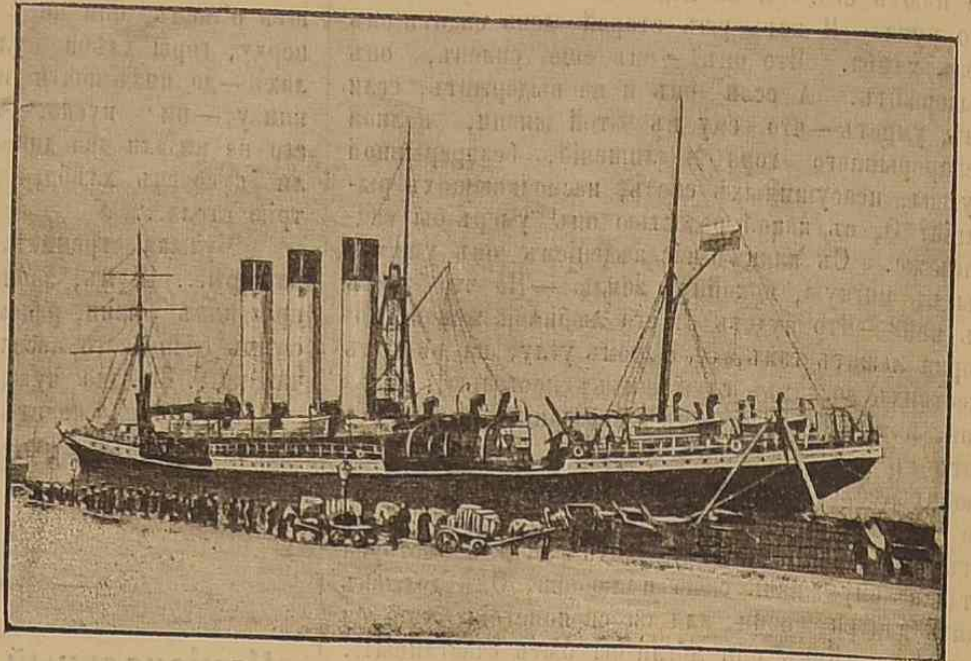
Разныя разности.

Цѣнность домовъ въ Лондонѣ. Въ Лондонѣ произведена недавно оцѣнка главнѣйшихъ зданій съ земель подъ ними. Резиденція лорда-мера Сити оцѣнена въ 800.000 фунтовъ стерлинговъ, биржа въ 1.600.000 фунт., англійскій банкъ въ 8.000.000 фунтовъ, главное управленіе почты въ 2.000.000 фунтовъ. Частныхъ домовъ насчитывается нынѣ въ Лондонѣ 770.000, и общая ихъ цѣнность опредѣлена въ полтора миллиарда фунтовъ.

Платье изъ почтовой марокъ. Недавно на одномъ костюмированномъ балу въ Балтиморѣ на нѣкоей г-жѣ Антуанетъ Варлицъ былъ надѣтъ костюмъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе. Г-жа Варлицъ на блонь крепъ наклеила 30.000 марокъ и при томъ такъ искусно, что онѣ представляютъ американское знамя съ его полосами, звѣздами и темно-синимъ угломъ. Молодая дама,

говорятъ, употребила нѣсколько мѣсяцевъ на исполненіе этой задачи.

Смерть отъ электрическихъ проводовъ. На дняхъ на главномъ вокзалѣ въ Дрезденѣ одному кровельщику поручено было починить крышу вокзала. Чтобы добраться туда, онъ долженъ былъ перелѣзть черезъ проволоку электрическаго освѣщенія при этомъ онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ проволокой и получилъ такой сильный ударъ, что тотчасъ же умеръ. Лишь нѣсколько времени спустя удалось разъединить токъ. Между тѣмъ безжизненное тѣло висѣло между проволокой и загорѣлось до такой степени, что начало дымиться.

Новый пароходъ Добровольнаго флота «Москва».

Театръ въ Аннамѣ.